

ГАЗДИЕВ Ахмет Исаевич

собственный корреспондент общенациональной газеты
Республики Ингушетия «Сердало»,
Назрань, Республика Ингушетия, Россия

Ahmet I. GAZDIEV

Correspondent, National Newspaper
of the Republic of Ingushetia "Serdalo",
Nazran, Ingushetia, Russia
serdalo@yandex.ru

**Али Хашагульгов:
судьба и творческое наследие**

Статья посвящена жизни и творческой деятельности ингушского писателя, поэта, педагога и художника Али Хашагульгова. Обращается внимание на малоисследованные стороны его многообразного творчества и непростого жизненного пути. Статья основана на архивных и исследовательских материалах. Автор обращается к литературным и художественным произведениям Хашагульгова. Показана целостная взаимосвязь его живописных, поэтических и литературных идей и образов. Особенно подчеркивается роль Хашагульгова в развитии литературного ингушского языка.

Ключевые слова: поэзия, проза, Ингушетия, художник, живопись, Северный Кавказ, депортация, Родина, ингушский язык.

**Ali Khashagulgov:
Fate and Creative Heritage**

The article is devoted to the life and creative activities of the Ingush writer, poet, teacher and artist Ali Khashagulgov. Attention is drawn to the little-researched aspects of his multifarious work and hard life path. The article is based on archival and research materials. The author refers to literary and artistic works of Khashagulgov. The holistic interrelation of his pictorial, poetic and literary ideas and images is shown. The role of Khashagulgov in the development of the literary Ingush language is especially emphasized.

Keywords: poetry, prose, Ingushetia, artist, painting, North Caucasus, deportation, homeland, the Ingush language.

*Поэт в России - больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства,
кому уюта нет, покоя нет...*

Е. А. Евтушенко

Судьба уготовила ему немало серьезных испытаний, которых с лихвой хватило бы на несколько человеческих жизней. Но он ни разу не свернул со своего тернистого пути, не предал свои высокие идеалы, заплатив самой дорогой ценой за право быть свободным. Система холодно и расчетливо наносила ему удар за ударом, но была бессильна что-то изменить.

Ей так и не удалось сломить его дух, не сумела она заставить его поступиться своими принципами. Вопреки всему продолжало звучать его поэтическое слово, пронизанное звенящей чистотой и подлинной свободой, и его художественный гений рождал великолепные полотна, в которых постепенно обретал бессмертие величественный гимн ингушскому Отечеству.

Али Хашагульгов родился на трагическом стыке безумного времени. Он появился на свет 24 июня 1943 г. в ингушском селении Яндаре, чтобы восьми месяцев отроду стать «врагом народа». 23 февраля 1944 г. одним росчерком пера, изменившим судьбу ингушского народа, было безжалостно перечеркнуто и растоптано его не успевшее начаться детство. Дети депортации, оторванные сталинщиной от родной земли, делаю свои первые шаги вдали от Родины, обостренно чувствовали всю несправедливость сотворенного над ними и над их народом беззакония. Они пробивались к свету, как зеленые ростки, черпающие невиданную силу в бесплодной почве. Томимые жаждой свободы, верили, что придет их час возвращения на Родину, чей светлый образ, благодаря старшим, однажды и навсегда поселился в их сердцах. Народ, обреченный на долгое бесправие, оскорбленный и оболганный, взрастил в этих детях неистребимую тягу к созиданию, горячее стремление вновь развести огонь в погасших и разоренных очагах. И каким-то непостижимым образом сердца этих детей сумели услышать и откликнуться на токи отнятой у них земли, на зов Родины, который потом неумолчно жил в них. Годы спустя, из под пера Али Хашагульгова выйдет пронзительное стихотворение, в котором он даст объяснение этой непонятной на чей-то взгляд любви к далекому Отечеству:

*Хотя нам нравится весь мир,
Хотя мы любим все страны,
Ингушетия нам нравится больше.
Ингушетию мы любим больше,
Потому что Ингушетия
Не только наша любовь,
Не только наша гордость.
Она родина нашей речи,
Она отчизна нашей чести,
Она страна нашего народа,
Она кость нашей кости,
Она плоть нашей плоти,
Она кровь нашей крови.
Более того, теперь –
Она наша незаживающая рана.*

Творческое наследие Али Хашагульгова еще не до конца изучено. Многие его поэтические творения, к сожалению, до сих пор остаются неизданными. К этому имени еще не раз будут возвращаться исследователи, пласт за

пластом открывая многослойный и всеобъемлющий мир, в котором жил и творил поэт, мир, который он создал сам.

В поэзии такого уровня нет ничего случайного. Это обнаженный нерв. Это голос совести. Это жизнь на грани. Поэтому творчество Али Татаровича особняком стоит и в ингушской литературе, и в литературе народов Северного Кавказа, поражая своим масштабом, наполненностью, образностью и глубокой философичностью каждого, кто прикасается к ней.

Некий космический код, присутствующий в поэзии Хашагульгова, заложен и в его живописных работах. Сакральный, глубинный смысл этого кода не поддается прочтению с наскока. И вовсе не потому, что это какое-то элитарное искусство. Хашагульгов вообще лишен каких бы то ни было претензий. Просто есть вещи, которые доступны пониманию лишь тех, кто прошел определенный этап духовного и нравственного взросления.

Далеко не каждому дано увидеть, казалось бы, очевидное. В повседневной обыденности мы часто проходим мимо какого-то явления, оставаясь безучастными к красоте и совершенству, которые напрасно стучались в нашу жизнь и надрывно кричали о чем-то в наши утратившие слух уши. А в живописи Хашагульгова эта первозданная, первобытная порой красота, преображающая мир, нашла свое незамутненное отражение и, поселившись на холсте, ожила, обрела речь, заговорила с человеком, обрушила на зрителя девятый вал эмоций. Она обращается к нам и будит отклик в каждом сердце, заставляет нас переживать мгновения потрясающего общения с вечностью, когда простое созерцание перерастает в нечто большее.

Хава Хазбиева, с юных лет увлеченная творчеством Хашагульгова, а позже посвятившая много времени исследованию этого творчества, когда-то писала: «Живопись для Хашагульгова – это возможность сотворчества с природой, сопереживания с ней. Краски нужны природе, чтобы творить, созидать – точно так же их использует Хашагульгов. Художник ищет смысл живописи не в цвете и не в линии, но находит этот смысл в правде видимого им и ослепляет красотой этой правды. Он дает возможность увидеть горы так, как

никто и никогда не видел их до него... Впечатление, будто эти каменные гряды живут, растут, мыслят подобно живым существам. В напряженнейшем переживании полноты бытия художник дает тему творчества природы во всем ее космическом размахе... Художник живых чувств, виртуоз коллора, он дает жизнь краскам столь естественную, столь свободную, что нигде не замкнутый мир его картин предстает как царство непосредственной эмоции. Образное видение художника, пропущенное через призму мифо-поэтической эстетики, «оприроднено» настолько, что чувственная сторона живописи достигает своего апофеоза... Через бессмертие природного духа он провозглашает бессмертие национального».

Несомненно, что в живописи Хашагульгова живет высокая поэзия. И поэзия красок его палитры ничуть не уступает по своей образности собственно его поэтическому слову. Выкристаллизованные и рожденные гением мастера произведения (в поэзии ли, в живописи ли) становятся плодом долгих исканий, непрестанного духовного поиска, не прекращающейся ни на миг титанической внутренней работы. Это, наверняка, всегда очень изнурительный процесс, сжигающий нервные клетки. Но, чем он изнурительней, тем сильнее конечный выброс энергии, тем ярче результат, явленный в конкретном произведении искусства – всегда легком, живом, изящном по форме и в то же самое время психологически необъятном и безмерном по своей метафизике, неоднозначном и глубоко по содержащейся в нем мысли.

«Все привычное, наработанное веками развития изобразительного искусства, устоявшиеся определения разлетаются и опрокидываются при виде этих необычных и странных картин, - пишет московский искусствовед Татьяна Рудова под впечатлением персональной выставки Хашагульгова, прошедшей в столице в 1997 г. – Странность особого вида: от ощущения лаконизма и простоты, от кажущейся легкости детального анализа любой из представленных композиций и от невозможности дать оценку всей выставке в целом, от невозможности вывести однозначный итог, дойти до границ, поставленных художником самому себе своим творчеством.

На каждой картине – горы, снежные хребты, отроги, плато и ущелья, перевалы и вершины; клубящиеся туманом долины и затянутые мглой пропасти, обрывающиеся во тьму каньоны и резкие световые границы склонов, дымка ночных облаков и курящиеся склоны долин; на каждой картине горы, горы и горы. Потом замечаешь повторения: зеркально обращенные композиции, разные планы одинаковых пейзажей; начинаешь замечать наиболее часто встречающиеся диагональные построения, но отчетливо понимаешь: все это разное и в своей разности, безусловно, абсолютно цельное. Отдельная тема: картины-посвящения. Посвященные родам. Родовые башни, селения. Древние строения, память о прошлом, напоминание о будущем. Ощущение связи этих строений, башен с другими мирами, с событиями поколений, прошедших через эту землю или живших на ней».

Семья Хашагульговых вернулась из депортации в родные места в 1957 г., в период хрущевской «оттепели». 14-летнего Али долгожданная встреча с Родиной наполнила восторгом и трепетом. Перед ним открывался огромный мир, встречей с которым он бредил с той самой поры, как начал сознавать себя. Там, на чужбине, остались его первые поэтические опыты и первые рисунки – говорят, что писать и рисовать он научился еще в дошкольном возрасте.

Дорога домой навсегда отпечаталась в сердце Хашагульгова. «Долго мы были в пути, - писал он впоследствии. - Помню, в декабре в поезде написал поэму, которая называлась «На Родину». Закончил ее в январе, когда приехали. В школу не ходил, у нас не было разрешения на проживание. В шестом классе научился писать на ингушском языке. Переводил Лермонтова, Пушкина, Никитина, Хетагурова. Писал на русском и ингушском языках».

Та поэма, написанная подростком в вагоне поезда, везущего его на Родину, в которой он попытался осмыслить трагедию своего народа, несколько лет спустя ляжет в основу обвинительного заключения осужденного за антисоветчину молодого парня, не успевшего достичь своего двадцатилетия...

«Научился писать на ингушском языке», - эта фраза в воспоминаниях Али Татаровича звучит весьма скромно. На самом деле

Хашагульгову со временем удалось блестяще овладеть всеми богатствами родного языка и, отразив свои глубочайшие познания в творчестве, стать эталоном и в этом смысле. Ингушский язык Хашагульгова – живая материя с вековыми корнями, о существовании которой многие носители этого языка только догадываются. Родной язык Хашагульгова необычайно ярок, сочен и подлинно поэтичен в силу своей образности. Литературовед, кандидат филологических наук профессор Хадишат Точиева в своей статье, посвященной творчеству Али Татаровича, с сожалением отмечала, что общество не готово сегодня к восприятию такой поэзии: «Так случилось в силу объективных причин (выселение, подавление национального самосознания, а значит, культуры в целом). Ингуши изрядно подзабыли свой родной язык. Разговорный, кухонно-бытовой, пожалуй, знают все, но другой – язык абстрактных понятий, язык духовных ценностей, основывающийся прежде всего на пространственных категориях: бессмертие, вечность, вера и т.д. – забыт, и корни его почти истощены. Уровень знания национального языка настолько низок, что читатель не понимает абстрактно-философскую лексику. Понятия частей света, космос, названия птиц, деревьев, метафизические категории, символы – все это в пассиве языка в лучшем случае либо забыто, так как в силу упадка культуры давно вышло из обихода. Родной язык десятилетиями оставался не востребовавшимся, его гражданский и политический престиж был крайне низок. Вот почему возникла редкая и драматическая ситуация, когда читательская аудитория еще не созрела для полного понимания поэтического слова...

Учиться мыслить на родном языке трудно. Поэтому ингушский поэт выполняет необычную просветительскую роль. Он должен терпеливо готовить аудиторию – растить ее, повышая чувство языка, лексический запас, культуры мышления... И здесь Али Хашагульгов – языкотворец, возрождающий язык, придающий ему живую силу. Это тяжелое бремя, ибо это сфера не только поэтическая. Она связана с длительной работой по собиранию словаря, семантической и фонетической обработкой, реанимацией целых языковых пластов, связанных с духовной и культурной жизнью вайнахов.

Поэт велик, если ему удастся выразить особенности национального сознания, мышления. Изобразительность языка – это фокус преломления мира в сознании народа. Поэт, который сумел показать, как видит мир его народ, и есть национальный поэт. В поэтическом мире Хашагульгова перед нами предстает полузабытый мир, в котором соединены языческие образы и символика с очень конкретной реальностью. Простота и наивность соседствуют со сложной ассоциативной, абстрактной символикой, а философская глубина и обобщения присутствуют в пейзажной и любовной лирике».

Не менее философична и проза Али Хашагульгова. «Маленькие, но емкие психологические рассказы помещены в четвертом номере альманаха «Лоаман Гуйре» («Утро гор») за 1989 год. На первый взгляд, - отмечает профессор Х. Точиева, - рассказы представляют собой незамысловатые зарисовки, сценки, но они внутренне насыщены, психологически емки. Перед нами - человеческие драмы и характеры, за которыми чувствуется большая жизненная сила».

Невероятная жизненная сила была присуща самому Али Татаровичу. Практически на протяжении всей своей жизни он был вынужден нести на себе бремя одиночества. Его душа жила в замкнутом пространстве. И самым страшным испытанием для его творческой натуры было творить без права быть услышанным, писать «в стол» без надежды опубликовать свои творения, без какой-либо уверенности, что он вообще сможет их сохранить.

В 1961 г. юный Али становится студентом Ростовского пединститута. Он учится увлеченно, по вечерам зарабатывая на жизнь грузчиком. Здесь же, в Ростове, на Хашагульгова впервые обратили внимание сотрудники управления по борьбе с идеологическими диверсиями КГБ. Причиной стал крамольный реферат, с которым он выступил на семинаре по истории КПСС. Преподаватель, поручивший ему подготовить тему по национальному вопросу, и подумать не мог, что его студент начнет критиковать партию за репрессии, направленные против целых народов СССР, за ввод советских войск в Венгрию, за жестокое подавление народных

волнений в Грузинской ССР в 1956 г. После этого случая Хашагульгову доходчиво дали понять, что его дальнейшее пребывание в Ростове крайне нежелательно. Али досрочно сдал сессию (это ему разрешили) и перевелся в Грозненский пединститут.

В конце весны 1963 г. Хашагульгов вновь оказался в роли публичного возмутителя спокойствия, прочитав на институтском поэтическом вечере свои стихи. И уже 4 июня за ним пришли сотрудники КГБ ЧИАССР с ордером на арест. Какой-то тайный смысл заключался в том, что в этот же день в альманахе «Утро гор» впервые были опубликованы стихи молодого поэта, а ранним утром их автора взяли в студенческом общежитии, изъяв и опечатав в ходе обыска все его рукописи. Так мордовские лагеря для политзаключенных стали местом его постоянной «прописки» на целых четыре года. «Особо опасный государственный преступник» Али Хашагульгов сблизился здесь с Ю. Даниэлем и А. Синявским, подружился с латышским литератором Кнутом Скуениексом. Ю. Даниэль переводит стихи Хашагульгова для антологии тюремных поэтов (дальнейшая судьба этих стихов осталась неизвестной), а А. Синявский, безмерно доверяя Али, знакомит его со своей поэмой «Плохо», в которой предстало увиденное поэтом истинное обличье «диктатуры пролетариата». Там, в мордовских лагерях, продолжал творить и сам Али Хашагульгов. Некоторые из его стихов того периода читатель увидит лишь только в 1996 году, когда в Москве, в издательстве «Возвращение», в малой серии «Поэты-узники ГУЛАГА» выйдет небольшой сборник Хашагульгова «Автопортрет».

Вот только одно стихотворение из этого сборника – «Побег», которое, вероятно, что-то проигрывает в переводе на русский язык, но сохраняет в себе главное – ясную мысль автора, пронзительную поэтику, присущую его выверенному и точному мировосприятию, острую гражданственность в столкновении сил зла и добра. Это стихотворение звучит как ужасающее откровение о той страшной реальности:

*Полные звезд глаза матери
Представились ему...
Из звезд он сотворил тропу,
Млечный путь.*

*По этой тропе
Направился он домой...
Утром овчарки нашли его
Замерзшим на болоте.*

В 1967 г. Али Хашагульгов выходит на свободу, которая для него строго ограничена – ему нельзя селиться в больших городах, посещать общественные места, выходит из дома после 22-х часов и, само собой разумеется, запрещается публиковать стихи. Ему сразу же отказывают в восстановлении на учебу, преследуют везде, где бы он ни устроился на работу. Он работает корректором в газете «Сердало», в книжном издательстве. Видя произвол по отношению к своему коллеге, однажды за него вступается весь коллектив Джейрахской школы, в которой он преподает ингушский язык, в Тарской школе, где он тоже преподает некоторое время, его отказывается увольнять директор-осетин. Но честные люди оказываются бессильными перед системой. Хашагульгову приходится работать дворником, сторожем, художником-оформителем, рабочим, ремонтирующим дороги, на назрановском заводе «Электроинструмент», а его стихи полнятся какой-то восточной мудростью – отчасти где-то усталой, но всеобъемлющей и исполненной яркой образности:

*Дети любили его, хотя и не понимали,
почему он открывал дверь и выглядывал наружу,
когда объяснял новую тему...*

*Еще не понимали они, почему он никогда
не задавал им читать и учить из учебника.*

*- Достаточно того, что вы слушали
меня, - говорил он.*

*Правда, детям не пришлось долго слушать
его.*

(«Учитель»)

В 1972 г. Али Хашагульгов уезжает в Ригу, приняв решение остаться там навсегда – здесь свободнее дышится, здесь его поддерживают друзья-писатели, здесь есть шансы издавать свои стихи – пусть не все, хотя бы малую часть из них. Но мятущийся дух великого поэта тянет его домой.

Али Татарович Хашагульгов мучительно долго пробивается к своему читателю. Его первый поэтический сборник «Страна гор» выходит в свет лишь только в 1985 году. Затем с большими перерывами публикуются его другие сборники – «Первый цветок» (1987), «Золотой мир» (1992), «Автопортрет» (1996),

«Высокая вера» и «Отцовские горы, отцовские села» (1999).

Но наступит время, когда он станет главным редактором ингушского детского журнала «Радуга», для которого он и пишет стихи, и рисует, сделав его одним из лучших в стране изданий такого рода. Первое признание получают его разносторонние таланты - Хашагульгова примут в Союз писателей и Союз художников России. Его живописные полотна будут выставляться в родной Ингушетии, в Грозном и в Москве. Но и новая вселенская боль тоже поселится в сердце поэта. Ее принесет кровавая расправа над ингушами в Пригородном районе, чеченская война, погубившая столько человеческих жизней... В кровавом пожаре этой войны сгорят картины Хашагульгова, огонь дотла уничтожит уже горевший однажды архив поэта... От его жилища в Грозном останется лишь пепелище. И после всего этого поэт найдет в себе силы принять предложение преподавать родной язык на ингушской национальной актерской студии в Высшем театральном училище им. Щукина. Он ютится с семьей в

тесной комнатке московского общежития и передает молодым девушкам и парням свои глубокие знания, работает над своими стихами, представ в новом качестве - эти циклы до сих пор неизвестны читателю, пишет сотни новых картин, талантливо адаптирует для театральной постановки роман Идриса Базоркина «Из тьмы веков». Черпает вдохновение и силу в творчестве, в растущем день ото дня признании. Приезжает на презентацию своих новых сборников в Ингушетию. Полный творческих планов возвращается в Москву – надо продолжить издание книг, отовсюду поступают приглашения приехать с выставкой!

И вдруг... Неожиданный недуг подкашивает мастера. Диагноз врачей как приговор – болезнь неизлечима. Дальше – мучительная смерть. Никто не может достать ему морфий, чтобы облегчить предсмертные муки...

Нет больше блистательного Али. Но осталось его неизданное до сих творческое наследие. Наследие, безусловно, являющееся частью нашей уникальной общероссийской культуры.

Использованная литература:

1. Лоаме г1олла . Поэтический и живописный путеводитель Али Хашагульгова. Сост. Хава Хазбиева, Назрань: б/и, 2003
2. Слово об Али Хашагульгове: сб. / Сост. и ред. Х. М. Хазбиева. Назрань: Шолхи, 2000.
3. Хашагульгов А. Автопортрет. Пер. с ингуш. яз. И. Костоева. М.: Возвращение, 1996
4. Х1анзара г1алг1ай литература. Современная ингушская литература. / Науч. ред. Л. Х. Танкиева. Т. 2. Нальчик: Респуб. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2011.

References:

1. *Loame gholla. Poeticheskiy i zhivopisnyy putevoditel' Ali Hashagul'gova* (Through the Mountains. Poetic and Picturesque Guidebook by Ali Khashagulgov), Hazbieva, H. M., Comp., Nazran: no publ., 2003.
2. *Slovo ob Ali Hashagul'gove: sbornik* (A Word about Ali Hashagulgov: Collection), Hazbieva, H. M., Comp., Ed., Nazran: Sholhi, 2000.
3. Hashagulgov, A., *Avtoportret* (A Self-Portrait), Kostoev, I., Transl. from Ingush lang., Moscow: Vozvrashhenie, 1996
4. *Hanzara ghalghay literature. Sovremennaya ingushskaya literatura* (Modern Ingush Literature), vol. 2, Tankiev, L. H., Ed., Nalchik: Respublikanskiy poligrafkombinat imeni Revolyutsii 1905 goda, 2011.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Газдиев, А. И. Али Хашагульгов: судьба и творческое наследие [Электронный ресурс] / А. И. Газдиев // Наследие веков. – 2016. – № 4. – С. 75-80. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Gazdiev.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Gazdiev, A. I., Ali Khashagul'gov: sud'ba i tvorcheskoe nasledie (Ali Khashagulgov: Fate and Creative Heritage), Nasledie Vekov, 2016, no. 4, pp. 75-80. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Gazdiev.pdf. Accessed Month DD, YYYY.